

тут же вынуждены констатировать тождество сербохорв. *bđjār* = *bđljār*, болг. *бојрин* = *бољрин* (стр. 386).

Сомнительно сближение сербохорв. *опдравити се* 'оправиться, отдохнуть' и *забравити* 'забыть' на основе предполагаемой замены *b > p* (стр. 387). Трудно согласиться с этимологической трактовкой блр. *брудзь* 'пушок на бороде', укр. *бруд* то же, др.-русск. *бруди* мн. 'бакенбарды', которые относятся авторами к семейству ст.-слав. *брада*, русск. *борода* и т. д. «по значению», а затем, несколькими строками ниже, признаются «etymologisch undurchsichtig» (стр. 393).

Из отпечаток укажу следующие: *Patinaca* (стр. 395), надо *Pustinaca*; *Pokorný* (стр. 399), точнее *Pokornu*; там же — *Ekkert*, следовало бы писать *Eskert*; польск. *broj* (стр. 407), надо *broj*; болг. *убдалá* (стр. 463), надо *будалá*; *G. Dorfer* (стр. 475, 2-ая строка сверху), надо *Doerfer*, ср. там же, ниже.

Все-таки трудно признать нормальной практику, при которой словарная статья сравнительного словаря славянских языков начинается, скажем, с венг. *boszorkányu* (стр. 426) или с нем. *Brust* (стр. 444), или с тюрк. *burun* (стр. 472). Заглавным словом статьи такого словаря по логике вещей должно быть славянское слово.

Встречаются в словаре и небрежные или прямолинейные формулировки вроде следующей: «Исключительно большое почитание, которым пчела пользуется у славян, а особенно у южных славян, а также ее роль в народных верованиях и словесности не получает отражения (manifestiert sich nicht) в образовании слов» (стр. 482). Спрашивается, можно ли вообще ожидать именно от образования слов, от словообразования адекватного отражения таких категорий как значимость соответствующей реалии в жизни, верованиях, литературе? Вспомним хотя бы одно то обстоятельство, что рука об руку с культом, почитанием может идти речевой запрет, сковывающий не только словопроизводную деятельность, но способный даже предать забвению старые обозначения.

О. Н. Трубачев

Chr. S. Stang.

Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen.

Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, (96 стр.)

Литература по проблеме балто-славяно-германских языковых отношений пополнялась новым исследованием Х. Станга. Книга уже получила отклик в нашей научной периодике (ср. напр. недавнюю рецензию А. Сабалюскаса в журнале «Вопросы языкознания»).

Автор обращается к теме, предварительно кратко охарактеризовав очерки отношений названных языковых групп у А. Мейе, Т. Лер-Сплавинского, В. Георгиева, Ф. Шерера, Э. Георгиева и некоторых других. Свою задачу автор видел в том, чтобы собрать наиболее надежный материал по проблеме (стр. 7). Результатом явился своеобразный словарь (стр. 13—66), охватывающий 188 случаев балто-славяно-германской лексической общности, т. е. больше, чем в свое время было известно Траутману, в словаре которого насчитывается 168 таких случаев. В книге Станга содержится также анализ материала в семантическом и некоторых фонетических и словообразовательных аспектах. Есть и «Попытка некоторых выводов» (стр. 79—82), помогаю-

щая наглядно представить себе особенности балто-славяно-германских отношений на основе рассмотренного лексического материала. Так, например, указывается на практическое отсутствие общих религиозных и абстрактных терминов, при довольно большом количестве общих названий из сферы материальной культуры, в частности обработки дерева.

Нельзя сказать, чтобы эти выводы были совершенно новыми в науке. Справедливее, пожалуй, заключить, что они идут в проторенном русле балто-славянской проблематики. Исключительно ценно, разумеется, то, что за этот итоговый обзор взялся такой специалист как Станг. Изложение отличается объективностью и предельной краткостью.

Хотя автор выделяет случаи, когда германский связан только со славянским, и случаи сепаратной связи германского с балтийским, все-таки в основном в его книге германскому противопоставлен как бы совокупный балто-славянский. Специфика балто-славянских отношений, по крайней мере в лексике, остается нераскрытой, хотя последние исследования все более и более приводят к мысли о сложности этих отношений. Накоплен уже довольно большой материал лексических расхождений между балтийским и славянским. «Балтославянский словарь» Траутмана, вышедший в 1923 году, о котором Станг говорит на двух страницах своей небольшой книги (стр. 8—9), устарел не только материально, но и принципиально. Ведь уже для своего времени словарь этот не мог не представляться как своего рода фикция; так, в словаре Траутмана регулярно помещаются славянские слова, не имеющие решительно никаких балтийских соответствий, и балтийские слова без соответствий в славянском. Еще во времена Мейе было ясно, что глубоких различий между балтийским и славянским словарем гораздо больше, чем сходств. Словарь этих различий (своеобразный «анти-Траутман») получился бы сейчас более внушительный, чем вышеупомянутый словарь балто-славянских сходжений. Понятно поэтому, что сказанное определенным образом модифицирует и общую картину балто-славяно-германских отношений. По-прежнему актуальна проблема сплошной инвентаризации лексического материала, критической проверки устоявшихся воззрений на многие балтийские и славянские слова. Эта фронтальная проверка способна значительно ослабить слишком общие выводы, охватывающие балтийские, славянские и германские языки, как напр. вывод автора, уже упомянутый выше, о том, что большинство общей для этих языков лексики относится к обозначениям простых орудий и предметов из дерева (стр. 80). В частности, предпринятый нами ранее анализ славянской ремесленной терминологии показал, что как раз в терминологии обработки дерева исключительных или инновационных балто-славянских соответствий крайне мало: балтийское соответствие слав. **sekt'i* сомнительно и во всяком случае неадекватно, термины 'долбить' в славянском и балтийском совершенно различны (соответственно — **dylb(a)ti* и лит. *skaptiuti*; отнести к славянскому без комментариев и лит. *delbti* 'потуплять глаза' ввиду крайней специфичности и идиоматичности последнего значения по меньшей мере ненадежно). Такой критике могли бы быть подвергнуты и другие балто-славянские пары в этой же терминологической сфере, как, впрочем, и в смежных. Достаточно сказать, что названия горна (и других частей печи), молота, наковальни в славянском связаны не с балтийскими, а сепаратно — с германскими или латинскими названиями. Сравнения вроде слав. **kovati* 'ковать' и лит. *kauti* 'бить' (стр. 69) малоценны для выводов об общих переживаниях, так как термины 'ковать' (и производная лексика) в этих языках сформировались совершенно независимо, ср. лит. *kalti*.

Разумеется, при чтении книги Станга дело не обходится без замечаний и дополнений, поскольку речь идет о лексике, сведения о которой у автора не всегда полны. Это тесно связано и с этимологическим аспектом, потому что привлечение тех или иных слов для сравнения есть вопрос их формы, словообразования и значения, т. е. вопрос сугубо этимологический. Напр. на стр. 23 приводятся сербохорв. *gnjáviti* 'жать', словен. *gnjáviti* 'жать, давить, мять', чеш. диал. *gnávit, gnábit*, которые сравниваются с др.-исл. *knýja* 'стискивать, толкать, бить, гнать', англосакс. *snūwian* 'жать, медленно жевать'. Автор предполагает нормальный вид славянского корня **gnov-* и одновременно

говорит об ограниченности распространения славянского глагола, которая даже внушила Махеху мысль о заимствовании чешских слов из немецких диалектов. Однако достаточно обратить внимание на укр. *gnobiti* 'угнетать, притеснять' (Желеховский, см. Гринченко I, 295) и польск. *gnębić* 'угнетать, мучить', с вторичной, позиционной назализацией из **gnobić* (сближение есть уже у Брюкнера, хотя он, далее, неправильно относит сюда же формы типа *gonobiti* с семантикой 'собирать'), которые продолжают более древнее **gnoviti* с искомой огласовкой и занимают значительно более обширный ареал.

На стр. 42 автор специально подчеркивает, что лит. *pérnai* 'в прошлом году', гот. *fairns* 'прошлогодний' объединяются общим элементом *-n-*, характерным для балтийского и германского. К сожалению, смысл этого элемента не раскрывается, как не указывается и на то, что этот элемент, по предположению Мейе («Общеславянский язык», стр. 378), был известен славянскому и входил в состав функционально очень близкого слова — ст.-слав. *лѣни* 'в прошлом году' < праслав. **ol-ni*, где *-n-* < и.-е. **en-* 'год'.

Относительно двух важных культурных слов автор оперирует понятием «неизвестный источник» — 'серебро' (стр. 47) и 'тысяча' (стр. 59, 75), вернее — в первом случае он принимает общее заимствование балтийского, славянского и германского названий серебра из неиндоевропейского источника, что вполне соответствует традиции, но едва ли может нас удовлетворить; скорее, мы здесь имеем культурное заимствование из какого-то индоевропейского языка, возможно, индоарийской принадлежности, с сатэмным консонантизмом (специально заняться этим вопросом мы предполагаем в другом месте). Что касается числительного '1000', то балтийские формы не могут закономерно восходить к праформе **tūs-kmt-*, но своим *st* отражают акт заимствования формы с раннепраславянским **c(ts)* на месте и.-е. *(s)k*, о чем подробнее писалось раньше.

Не совсем ясно, почему автор видит (стр. 76) во втором компоненте литовских числительных от 11 до 19 *-lika* и в соответствующем гот. *-lif* (в германских оно образует числительные '11' и '12') разные первичные основы: **leik^w*- в балтийском и **leip-* в германском. Не лучше ли считать гот. *-lif* развитием первоначального герм. **leihw-* < и.-е. **leik^w*-, общего с балтийским (значение 'остаток'), причем развитие *f* < **hw* < **k^w* оказывается вполне аналогичным таким германским примерам как гот. *fidwōr* 'четыре' < и.-е. **k^wetjōr-* (через герм. **hwidwōr?*), гот. *wulfs* 'волк' < и.-е. **ul^wk^wos* (через герм. **wulhwa-?*). Это имело бы в свою пользу и типологическое правдоподобие, ср. известные субституции *f/xv* в славянских диалектах.

Следуя за Френкелем, Станг сближает (стр. 86) со слав. *skokъ, skakati* не однозначное лит. *šbkti*, а лит. диал. *kuokinė* 'вечеринка с танцами', которое якобы образовано от несохранившегося **kuokas* 'прыжок, пляска, танец'. Однако, вместо того, чтобы прибегать к сомнительным реконструкциям, кажется проще по аналогии отношений лит. *daubà: duobė, tau-pūti: tuorūti* поставить форму *kuokinė* в такой же апофонический ряд с *kai^wkas* 'домовой, гном' или *kai^wkė* 'маска', откуда производное *kuokinė* получает первоначальную внутреннюю форму 'вечеринка с ряжеными'.

О. Н. Трубочев